

А.В. ЗЛОЧЕВСКАЯ

ТРИ ЛИКА
МИСТИЧЕСКОЙ МЕТАПРОЗЫ
XX ВЕКА:

ГЕРМАН ГЕССЕ –
ВЛАДИМИР НАБОКОВ –
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

*Супер Издательство
Санкт-Петербург*

2016

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:

О. А. Казнина

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы
Литературного института имени А.М. Горького

М. В. Михайлова

доктор филологических наук, профессор
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Редактор: А. Бачурина

Оригинал-макет: А. Чаргазия

Обложка: Т. Афинская

Злочевская А. В.

3 68 Три лика мистической метапрозы XX века Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков. Монография / А. В. Злочевская – Санкт-Петербург: Super Издательство, 2016. – 552 стр.

В монографии впервые в литературоведении выявлена и проанализирована на уровне близости философско-эстетической проблематики и художественного стиля (персонажи, жанр, композиция, наррация и др.) контактно-типологическая параллель Гессе – Набоков – Булгаков. На материале «вершинных» творений этих авторов – «Степной волк», «Дар» и «Мастер и Маргарита» – показано, что в межвоенный период конца 1920 – 1930-х гг. как в русской, метропольной и зарубежной, так и в западноевропейской литературе возник уникальный эстетический феномен – мистическая метапроза, который обладает устойчивым набором отличительных критериев.

Книга адресована как специалистам – литературоведам, студентам и преподавателям вузов, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами русской и западноевропейской изящной словесности.

Ключевые слова: Г. Гессе, В. Набоков, М. Булгаков, «Степной волк», «Дар», «Мастер и Маргарита», мистическая метапроза XX в., русская литература XX в., западноевропейская литература XX в.

Abstract: The monograph is a pioneering effort in literary criticism to show and analyze the Hesse-Nabokov-Bulgakov contact-typological parallel at the level of their similar philosophical-aesthetic problems and literary style (characters, genre, composition, narration etc.) Using the 'peak' works of the three writers: "The Steppenwolf", "The Gift" and "The master and Margarita", the author shows that in the «between-the-wars» period of the late 20ies and 30ies, there appeared a unique literary aesthetic phenomenon, namely, mystic metaprose with its stable set of specific criteria. And this phenomenon was common to both, Russian-language literature at home and abroad, and West European literary writings.

The book is addressed to a wide range of readers, from literary critics, university lecturers and students to anyone interested in Russian and West European fiction.

Keywords: H. Hesse, V. Nabokov, M. Bulgakov, "The Steppenwolf", "The Gift", "The master and Margarita", mystical metafiction of 20th-Century, Russian literature of 20th-Century, West European literature of 20th-Century.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

Памяти Константина Ивановича Тюнькина

ВВЕДЕНИЕ.
РУССКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА XX В.:
РЕАЛИЗМ МИСТИЧЕСКИЙ И МЕТАПРОЗА –
ЧТО МЕРЦАЕТ МЕЖДУ НИМИ?

В середине прошлого века известный деятель русской эмиграции Глеб Струве в своем программном труде «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк: Издательство Чехова, 1956) написал:

«...зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который — придет время — вольется в общее русло этой литературы¹.

Эти слова оказались пророческими. Для нас, однако, важно другое: этот, как представлялось в течение нескольких десятилетий, благодушно-мечтательный прогноз заключал в себе точно сформулированную и адресованную литературоведам будущего методологическую задачу. Сегодня она стала одной из актуальных для русистики, как отечественной, так и зарубежной — изучение обоих потоков русской литературы XX в. как единого художественного феномена, развивавшегося в русле общеевропейского художественного процесса.

В контексте поставленной проблемы анализ параллели *Герман Гессе — Владимир Набоков — Михаил Булгаков* представляет интерес тем

большой, что корреляции здесь не столь очевидны и сравнительно мало изучены².

До сих пор единственным сравнительно развитым направлением сопоставительно-типологического анализа творчества этих культовых писателей XX в. было выявление переключек в области гностической проблематики.

Началось все с интерпретации романов В. Набокова в духе гностических учений американским исследователем Д. Мойнаганом³. Затем идея получила развитие в работах С. Давыдова⁴.

Однако в основе этой трактовки лежит неточность перевода: в англоязычной версии романа «Приглашение на казнь» слово «гносеологический» было переведено как «гностический», что и спровоцировало ученых на создание концепции⁵. Тем не менее ошибка сформировала достаточно устойчивую традицию: многие авторы и по сей день убеждены, что метафизика не только В. Набокова, но Г. Гессе и М. Булгакова также соотносится с учением гностиков⁶.

Представляется, однако, что для проведения параллелей между гностицизмом и философско-эстетическим мироощущением исследуемых писателей оснований недостаточно, точнее, они слишком общи. Еще известный американский набоковед русского происхождения В.Е. Александров в своем ставшем классическим труде «Набоков и потусторонность»⁷, возражая С. Давыдову, справедливо отметил, что набоковская метафизика гораздо ближе «неоплатоническим» концепциям рубежа XIX — XX вв., чем гностицизму⁸.

Сравним основополагающие принципы гностического учения с тем, что мы видим в произведениях

Гессе — Набокова — Булгакова. Для гностиков характерно

«отрицательное отношение <...> к существующему миру и его демиургу (обычно он отождествляется с Богом Ветхого Завета), которому противопоставлен истинный Бог и Отец, Непознаваемый Бог. Этот Бог порождает Плерому — полноту духовности <...> Содержание гносиса, тайного знания <...> есть осознание человеком своей божественности, и обретение гносиса само по себе спасительно»⁹.

Однако представление о двойственной природе мироздания, о противостоянии духовного и плотского в человеке характерно далеко не только для учения гностиков, но, например, и для христианства, как и то, что бессмертие обретает дух, а плоть обречена на тление:

«если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется, — писал апостол Павел. — <...> ибо видимое временно, а невидимое вечно. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище» (2 Кор. 4: 16, 18; 5: 1-2).

О духовном «избранничестве» говорил и Христос, ибо спасение обретут далеко не все, но лишь «малое стадо».

Все это — общие положения, характерные для идеалистического мирозерцания вообще, в том числе и для христианского. Естественно, что Г. Гессе, В. Набоков и М. Булгаков, которые, несмотря на свои непростые отношения с религией, тем не менее были воспитаны в христианском культурном мирозерцании, в его сфере жили, а потому и разделяли общие мировоззренческие установки.

Другое очень важное заблуждение приверженцев интерпретации творчества Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова в духе гностицизма заключается в том, что они не различают всеведение художника-Демидурга и приобщенность к гностической тайне¹⁰, принимая первое за второе. Здесь явное *qui pro quo* — хотя бы потому, что речь идет о принципиально разных видах знания: гностическое — научно-рационально, в то время как знание сочинителя интуитивно-артистично.

Магическая сила Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова проявлялась исключительно в сфере художественного творчества. А для их героев — Гарри Галлера, *мастера*, Максудова и писателя Федора — тайное знание художника-творца отнюдь не является спасительным, что предполагает гностическая концепция исключительной духовной личности. Это тайное знание не дает им власти ни над миром, ни над собственной судьбой. Несмотря на свою духовную исключительность, или, скорее, из-за нее, они трагически одиноки и вытесняемы миром.

В своей работе я избрала иной ракурс исследования: типология художественных стилей *Г. Гессе — В. Набокова — М. Булгакова*.

Одно из оригинальнейших художественных явлений литературы конца XIX — середины XX вв. — *мистический* (или *фантастический, метафизический, магический*) реализм. Современное литературоведение проявляет большой интерес как к общей типологии феномена, так и к его многообразным временным и национальным модификациям¹¹, к изучению индивидуальных авторских стилей¹².

Термин *мистический реализм* принадлежит Н.А. Бердяеву, который сперва, в работе «Декадентство и мистический реализм» (1900), употребил его как отрицательную характеристику русского модернизма, а позднее это понятие стало одним из ключевых в концептуальных построениях самого философа¹³. В книге «Миросозерцание Достоевского» (1923) Н.А. Бердяев *реалистом мистическим* назвал автора «Братьев Карамазовых»¹⁴.

Применительно к Достоевскому эта формула не только абсолютно точна, но в определенном смысле она оказалась провидческой, ибо верно определила доминанту творческого влияния писателя на мировой литературный процесс XX в.

Федор Достоевский — пророк века двадцатого. В своем творчестве он предсказал не только нравственно-психологический лик человека грядущего столетия и его мирочувствование — трагические «надрывы» духовных и философских исканий, падения и высшие прозрения, но предвосхитил и самый тип мышления художника XX в. В этом смысле его литературная традиция оказалась всеобъемлющей. И влияние Достоевского — сочинителя и мыслителя — ощутимо, едва ли не в равной мере, как у его почитателей — Ж.-П. Сартра, А. Камю, Г. Маркеса и других,

так и у тех, кто считал его «плохим» писателем и еще худшим стилистом — например, у А.П. Чехова, М. Горького, В. Набокова или С. Моэма.

Однако Достоевский-художник сделал для XX в. не меньше, чем Достоевский-мыслитель. Здесь следует выделить прежде всего концепцию творческого метода *фантастического реализма* [см.: Д., Т.23, с. 179; Т.26, с. 91]*, которая стоит у истоков одного из ведущих литературных течений XX в.

Автор «Братьев Карамазовых» сформулировал основные принципы «фантастического реализма», сформировавшие одно из наиболее ценных в эстетическом плане феноменов искусства модернизма XX в. — реализма *мистического*¹⁵, *магического*¹⁶, *метафизического*¹⁷.

Основные принципы *фантастического реализма* получили свое отражение в следующем отрывке:

«"Надо изображать действительность, как она есть", — говорят они, тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства; стало быть, надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального <...> Идеал ведь тоже действительность, такая

* В качестве источника используется следующее издание: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972 — 1990.

Здесь и далее сочинения писателя цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы и с пометой Д.